

ВОССОЗДАНИЕ СХЕМЫ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ КАК ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Схема понятия, по которой мысленно реконструируется предмет (вещь, явление, процесс), рассматривается как интеллектуальный конструкт, отображающий сущность предмета через систему его необходимых и достаточных признаков. Процесс составления схемы понятия «библиотека» трактуется как воссоздание категориальной схемы. Ставится вопрос о возможности схематизации понятия «документ».

Ключевые слова: понятие, библиотека, научная категория, объект, схема, документ

В процессе развития научных гипотез, концепций конкретных дисциплин происходит уточнение категорий отдельных областей знания. Именно категории позволяют связывать логические суждения в теории и сокращать, ускорять процесс мышления. Научные категории, в отличие от философских, не только служат основными понятиями конкретных наук и имеют определенное содержание, но и как предельные понятия рода фиксируют структуры отдельных предметов (вещи, явления, процесса) [6, с. 110]. Это свойство научной категории можно использовать для выяснения сущности (принципиальной структуры) предмета, возобновив ту логическую схему понятия, которая уже сформирована в соответствии с категорией.

Со времен И. Канта, И.-Г. Фихте, Ф. Шеллинга известно, что понятие можно охарактеризовать двояко: как цельное идеальное образование и как выражение тех операций, с помощью которых оно могло бы быть «сделано» из необходимых и достаточных элементов. При понимании чего-либо нами осознанно или неосознанно мысленно создается схема, которая отображает те элементы, из которых формируется идеальный предмет, по своей сути соответствующий реальному. «Созерцание правила, по которому может быть создан предмет», Шеллинг трактовал как схему понятия [22, с. 381].

«Правила» созидания предмета – это не только деятельность (последовательность действий), в результате которой создается реально или мысленно сам предмет, но одновременно это есть то общее и обязательное, которое отличает данный предмет от других, т. е. схема выражает сущ-

ность предмета через систему его необходимых и достаточных признаков. Из отечественных философов это свойство понятия отметил В. С. Стёпин, проанализировавший построение теоретических схем физических понятий [19, с. 352].

Квинтэссенцией теории естественной дисциплины обычно является формула, выражающая закон, которая одновременно схематично отображает процесс получения результата исследования и позволяет дать характеристику соответствующего понятия¹. Построить подобную схему для понятия «библиотека», которое соответствует объекту библиотековедения и является научной категорией, также возможно. Основанием служит то, что библиотековедение – социально-гуманитарная наука – по определению изучает объект, включающий личную и общественную (коллективную) форму человеческой жизни; т. е. все, что связано с личной и общественной библиотеками. А коллективная форма человеческой жизни считается подобной предмету естествознания [13, с. 215], следовательно, её можно отобразить схемой. Воссоздание схемы понятия, означающего объект библиотековедения, представляется методологически важной задачей, так как создает перспективу понимания закона, «свернутого» в соответствующем понятии и его схеме. Достичь искомого можно при применении системных принципов.

Как показал А. Н. Книгин, «системный метод представляет собой экзотерическое (явное,

¹ Например, в классической физике. В химии эту роль выполняет совокупность формул – уравнение химической реакции.

внешнее) выражение эзотерической (тайной, сущностной) основы – категориального анализа. Поэтому он является методом *рационального* познания и *рациональной* практической деятельности. Его сущность заключается в том, что объект изучается или конструируется не случайным образом, а *по параметрам системы»* [11, с. 175] и как включенный в более крупную систему. Идея системы связана с категориальным мышлением и «имплицитно опирается на категориальный каркас самого объекта» [Там же, с. 176].

Представление объекта, а вслед за ним и понятия как системы позволяет избежать ошибок при схематизации, поскольку «естественное образование понятий... далеко не всегда следует сущностному порядку» [4, с. 496], а основывается на несущественных и случайных признаках. Научные понятия образуются в результате логических размышлений. Тем не менее доля метафоричности и «примеси» несущественных свойств в них может быть высока. Поэтому построить схему понятия, по которой мысленно реконструируется объект-система, возможно, лишь когда выбраны ясные реальные определения.

Итак, суть схематизации понятия состоит в конструировании системы на основе свойств и связей, зафиксированных в реальном определении понятия и выражении ее в виде схемы. Сделать это можно потому, что в реальном определении фиксируются те свойства-признаки, которые позволяют идентифицировать предмет (вещь, явление, процесс), т. е. дают возможность отграничить предмет от не-предмета. Схема только тогда отображает сущность предмета исследования, если выражает структуру, форму идеального конструкта – понятия, соответствующего ему. Таким образом, при построении схемы понятия исследователь опирается на логическую систему свойств-признаков (в данном случае объекта науки), иначе выбор элементов системы будет носить произвольный, волюнтаристский характер.

Представить *библиотеку* как предмет, который «мог бы быть сделан», довольно просто, так как это – социальная система, в нее входит человек, способный к деятельности. Коллектив сотрудников библиотеки, создавая библиотечный продукт (фонд, каталоги, указатели и др.), при-

меняет некие средства труда к предмету труда (например, делая библиографическое описание новой литературы с помощью компьютера). При этом выполняется внутренняя работа библиотеки-учреждения. Созданный библиотечный документ предоставляется пользователю, т. е. осуществляется внешняя (по отношению к учреждению) функция обслуживания представителей общества. Перечисленные элементы – это признаки, взятые из нескольких реальных определений библиотеки, составляющие систему необходимых элементов-признаков, достаточных для того, чтобы создать идеальный объект *библиотеку* или отграничить ее от других объектов. Причем три элемента (*персонал, средства производства, документ*) соответствуют деятельности библиотеки-учреждения [3, с. 625]. Взаимодействие библиотеки-учреждения с пользователем отображает деятельность библиотеки как социального института (взаимосвязь *субъекта производства с субъектом-потребителем*), так как один из важнейших признаков социального института – удовлетворение общей потребности, т. е. регулярный обмен произведенной общезначимой ценности [18, с. 19, 41–63, 393–442]. Обмен осуществляется по схеме: *производитель – потребитель*.

Все перечисленные элементы-признаки входят в так называемую *библиотеку Стоярова*. Дифференциация понятия *библиотека* позволила расставить акценты на отношениях между элементами системы в *общественной* ее части (в *личной библиотеке* это сделал Ю. Н. Стояров). Представление некогда гомогенного понятия *библиотека* в виде связанного комплекса понятий *библиотека – социальный институт* и *личная библиотека*, а также интерпретация *библиотеки – социального института* как системы из двух элементов (библиотеки-учреждения и пользователя) дали возможность применить знание о принципиальной структуре библиотеки и изоморфных ей социальных объединениях (архив, музей и др.) в классификациях [17].

Системный взгляд помогает уяснить и превращение *библиотеки-учреждения* в *библиотеку – социальный институт*. Библиотеку (и подобные ей социальные сообщества) можно рас-

смагивать как *искусственную систему*, работающую по определенному циклу, возобновляемому в соответствии с выработанными нормами. Так, специалист по информатике А. А. Берс мыслит свой научно-исследовательский институт искусственной системой, цикл которой «запускается» каждый день, а если сотрудники «завтра не придут, института не будет» [21, с. 141].

Библиотека – это такая же искусственная система, которая «отдельными циклами каждый раз разворачивается заново по одной и той же программе». Если библиотека не обслуживает читателей (например, в санитарный день), она не выполняет функции социального института, а если и сотрудники библиотеки не придут, не будет и библиотеки-учреждения.

Разъяснение, что подобные социальные сообщества – это искусственные системы, работающие по возобновляемому циклу, не только сближает документо-коммуникационные и информационные науки, позволяя располагать их близко в номенклатурах, но и развенчивает критические замечания о развитии системы *библиотека-учреждение в библиотеку – социальный институт* (каждый раз, обслуживая читателей, *библиотека-учреждение* «превращается» в *библиотеку – социальный институт*) [1, с. 42–43; 2, с. 58–59; 8, с. 21]. Причина непонимания, видимо, кроется в неумении представить структуру системы в динамике, наподобие реакции двух химических элементов.

Однако как воссоздать схемы других понятий, которые не означают социальные общности?

Наиболее значимой частью документивной коммуникации является документ, ради которого осуществляется взаимодействие субъектов (например, библиотеки-учреждения и пользователя). Выявление схемы понятия «документ» – задача сложная: профессиональное сообщество еще не определилось с набором его свойств-признаков.

«Формальную модель документа» предложил Е. А. Плешкевич¹, доработав вариант

Э. А. Бардаева и В. Б. Кравченко. «Формальная модель документа» фиксирует зависимость «*сообщения, подлежащего передаче, метасообщения, документально-информационной системы и технических сведений*» [16, с. 162–163].

Судя по описанию, предложенная модель отображает *когнитивный образ документа*, так как авторы опирались не на *понятие документа* и его реальные определения, дефиниции, а на представления, на *образ документа*, который у них сложился. Причем первоисточником образа служил документ, изучаемый в управленческом документоведении.

Отметим, что образ и понятие – это разные обобщенные формы представления информации. Если понятие трактуется как *понимание сути дела*, сущности явления, то образ характеризуется большей конкретностью признаков. «Признаки образа связаны прочными ассоциациями»; признаки понятия легко абстрагируются и «могут задаваться и рассматриваться по отдельности. Поэтому понятие может устойчиво существовать в сколь угодно абстрактной форме, тогда как образ стремится к предельной конкретности» [5, с. 189–190]. В образе концентрируется больше информации, чем в понятии, но главное, образ способен внедрить в сознание людей те нормы, правила и ценности жизни, которые не объяснить логически. Не случайно образами воздействует на нас искусство. Научное знание прирастает с помощью понятий, в них *логически* «свернуто» знание о предмете исследования. Образ и формируется под воздействием эмоций, и воздействует на сознание через эмоции; понятие – и формируется, и воздействует с помощью логики.

В связи со сказанным построить *модель документа* на основе образа труднее, чем на основе понятия: образ слишком конкретен. Думается, корректнее назвать «формальную модель» *схемой когнитивного образа*, но не документа как такового, а его отдельного вида, поскольку отмечен признак специально созданного документа – реквизи-

кающий в соответствующей документально-информационной системе *R*, и *t* реквизитов (технических сведений), характеризующих техническое обеспечение данного процесса; *R* – документально-информационная система, генерирующая документ» [16].

¹ « $D_i = \{M_i; Mrt; R\}$, где D_i – i -й документ, M_i – i -е сообщение, подлежащее передаче; Mr – метасообщение, состоящее из реквизитов (выходных сведений), характеризующих информационный процесс, проте-

ты. Схемой можно выразить суть любого интеллектуального построения, но модель должна быть изоморфна моделируемому предмету в основных отношениях, она упрощенно и системно воспроизводит объект изучения. «Модель специально создается... такой, чтобы... можно было из знаний, полученных на модели, по определенным (и заранее известным) правилам получить знания об объекте» [9, с. 75]. Соглашаясь с А. А. Зиновьевым в том, что «модель объекта не есть знание об объекте. Это средство получения знания об объекте» [Там же], заметим, что схема (особенно понятия) также служит средством получения знания.

Е. А. Плешкевич понимает документ как «сложный вторичный информационный объект, обладающий вещественной или вещественно-волновой природой, состоящий из двух информационных элементов: информационного сообщения и метаинформационного сообщения (реквизиты, выходные сведения)». Документ, по Плешкевичу, обязательно содержит «сведения о документально-информационной системе, которая обеспечивает семантическую симметричность информационного процесса» [16, с. 166]. Именно такой документ является продуктом деятельности юридических организаций; организаций, производящих книги; и, следовательно, составляет большую часть фондов архивов и библиотек, присутствует в музеях. Но существуют и другие документы, которые признаются таковыми в различных профессиональных сообществах.

В Международном стандарте ISO документ трактуется предельно широко: «Записанная информация или материальный объект, который можно трактовать как единицу документационного процесса (ISO 5127:2001, определение 1.2.02)» [14]. Таким образом, документом может быть любой материальный предмет – природный или культурный, даже изначально не предусмотренный выполнять эту роль. Поскольку не у каждого документа изначально есть реквизиты (они появляются после включения документа в некую документационную систему, да и то не всегда; так, необязательны реквизиты в личной библиотеке), признаком документа они не являются.

Принципом любого размышления, считал Ф. Шеллинг, должно быть «понимание неразрыв-

ной связи между сущностью и формой» [22, с. 5]. Соотношение материальных предметов (например, какой-то реальной вещи и системы знаков, которые представляют ее всеобщую природу, остающуюся инвариантной во всех ее проявлениях) есть *идеальное*, или *схема понятия* вещи. В наиболее общем виде сущность объекта может передать не схема его образа, а схема понятия, поскольку в понятии отбор элементов-признаков более точный, признаки объединяются в логическую систему на основании того, как если бы объект «делался» из них реально. Именно поэтому схема понятия, передавая его форму (структуру, соотношение признаков между собой), выражает сущность понятия, а значит, и объекта исследования.

Таким образом, чтобы создать схему понятия (а не образа) *управленческий документ*, надо найти (сформулировать) реальные определения понятия, т. е. среди набора свойств управленческого документа выделить те, которые станут его отличительными признаками, помогут в отграничении управленческого документа от неуправленческого. Соответственно, чтобы создать схему понятия *документ*, надо проделать аналогичную работу: среди бесконечного набора свойств *документа* найти те, которые смогут стать его признаками, помочь в дифференциации *документа* от *не-документа*.

Однако форма понятия не есть форма предмета. Форма понятия, повторим, выражает сущность предмета, но сущность необязательно проявляется в форме предмета (например так, как у геометрических фигур, отмечает Е. А. Плешкевич) [15, с. 5].

В статье Г. А. Двоеносовой, которая посвящена определению сущностных признаков документа, утверждается, что «форма (формуляр) документа... является его атрибутивным признаком» [7, с. 4]. Причем термины *форма документа* и *формуляр* употребляются автором как синонимы. Правомерно ли такое отождествление, даже если иметь в виду не документ *вообще*, а только документ, специально созданный для управления некой деятельностью? На этом моменте подробно останавливается Е. А. Плешкевич [15, с. 2], поэтому лишь дополним его некоторыми соображениями.

Формуляр в библиотечных документах – учетная карточка – это вторичная *усеченная* характеристика некоторых видов документа, отображающая форму документа (структуру записи информации) через ряд реквизитов (заглавие, выходные данные и др.), которые не связаны между собой языковой (логической) системой. Следовательно, формуляр *не отражает необходимого отношения и взаимозависимости характеристик документа* между собой, а потому они могут быть пропущены документистом при его оформлении. Главное, формуляр может отсутствовать даже у некоторых библиотечных документов (например, в отделе хранения формуляр не сопровождает большинство литературы в фонде: он попросту не нужен). Поскольку формуляр необязателен, он не является достаточным условием для дифференциации *документа от не-документа* (а именно – *достаточное условие, по которому можно определить вещь, явление, процесс*, считается признаком предмета). Итак, формуляр не является атрибутивным признаком не только документа, понимаемого в самом широком смысле, но и одного из его конкретных проявлений – библиотечного документа.

Устойчивость формы документов, принятых в той или иной документо-коммуникационной системе, велика, но и она изменяется с течением времени (чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сравнить нотную запись музыкальных произведений в разные эпохи). Поэтому не только формуляр, но и сама по себе *форма документа не является его атрибутивным признаком*: форма не может помочь в *отграничении документа от не-документа*, поскольку при необходимости форму можно поменять. Форма документа играет важную роль при различении разных *документов между собой*. Так, в музыкальной библиотеке фонд может быть расставлен по форме документов (партитуры, клавиры, камерные, оркестровые произведения и др.).

Главный отличительный (атрибутивный) признак документа сформулировал Ю. Н. Столяров: это «способность подтверждать, доказывать, убеждать, свидетельствовать что-либо в конкретной ситуации» [20, с. 12]. Критерием для включения объекта в качестве единицы документационного процесса служит сама возможность извлечения из него необходимой информации.

Существует представление, что «всякого рода усвоение, познание и действие зависят от интерпретации, то есть основаны на активации схем» [12, с. 52] (врожденных или созданных). Таким образом, получение информации из документа можно трактовать как процесс интерпретации. В таком случае документ предстает как предмет (вещь, явление, процесс), интерпретация которого, протяженная во времени и пространстве, способствует пониманию, т. е. *уменьшению неопределенности сведений (знания)¹ в рамках конкретной коммуникации*. Такая трактовка не противоречит широкому определению документа стандартом ISO, позволяет связать понятия *документ* и *информация*, а также признать документом и специально созданный в этом качестве предмет, и предметы культуры и природы, если те отвечают целям и задачам определенной коммуникации и могут служить ее единицами. Однако в конкретных коммуникациях требуются менее общие определения документа. Их и надо выработать в каждой конкретной отрасли знания, предлагает Ю. Н. Столяров, настаивая на отнесенности понятия *документ*.

Научные дискуссии по поводу понятия *документ* еще будут продолжаться. Думается, активность обсуждения в профессиональной печати свойств и признаков документа способствует – шаг за шагом – уточнению понятия и свидетельствует о движении в сторону воссоздания схемы этой научной категории.

1. Басов, С. А. Категория «Библиотечный социальный институт» в понятийном аппарате библиотековедения / С. А. Басов // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблемно-ориентированный науч. сб. / Рос. гос. б-ка; науч.-исслед. отд. библиотековедения; [сост. М. И. Акилина]. – Москва: Пашков дом, 2013. – С. 31–58.

¹ «Знание – форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [См.: 10, с. 51].

2. Басов, С. А. Об институциональном подходе в библиотековедении / С. А. Басов // Научные и технические библиотеки. – 2011. – № 3. – С. 50–69.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологическая мысль Запада).
4. Гадамер, Х.-Г. Язык и образование понятий // Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 496–507.
5. Голицын, Г. А. Образ как концентратор информации / Г. А. Голицын // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 183–190.
6. Готт, В. С. Категории современной науки: (становление и развитие) / В. С. Готт, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул. – Москва: Мысль, 1984. – 268 с.
7. Двоеносова, Г. А. Признаки документа / Г. А. Двоеносова // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2013. – № 9. – С. 1–5.
8. Дворкина, М. Я. Библиотека как социальный институт и учреждение / М. Я. Дворкина // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблемно-ориентированный науч. сб. / Российская гос. б-ка; науч.-исслед. отд. библиотековедения; [сост. М. И. Акилина]. – Москва: Пашков дом, 2013. – С. 13–30.
9. Зиновьев, А. А. Методологический очерк // На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – Санкт-Петербург: Нева, 2004. – С. 32–106.
10. Касавин, И. Т. Знание / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Москва: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 51–52.
11. Книгин, А. Н. Учение о категориях [Электронный ресурс] / А. Н. Книгин. – Томск, 2002. – 193 с. – Режим доступа: <http://philosophy.globala.ru/idx/2171.html> (дата обращения: 20.11.2010).
12. Ленк, Г. К методологической интеграции наук с интерпретационистской точки зрения / Г. Ленк // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 50–55.
13. Мархинин, В. В. О специфике социально-гуманитарных наук: опыт философии науки / В. В. Мархинин; под ред. А. Л. Симанова. – Москва: Логос, 2013. – 295 с.
14. Международный стандарт ISO 2789 «Информация и документация – международная библиотечная статистика» [Электронный ресурс] / пер. М. Лебедевой и О. Дьяконовой, Российская государственная библиотека. – 4-е изд. – Москва: РГБ, 2006. – Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?lr=213&text=Международный+стандарт+ISO+2789> (дата обращения 23.02.2014).
15. Плешкевич, Е. А. Документальность как атрибутивное свойство документа / Е. А. Плешкевич // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2013. – № 9. – С. 1–7.
16. Плешкевич, Е. А. Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития / Е. А. Плешкевич. – Москва: Пашков дом, 2012. – 308 с.
17. Полтавская, Е. И. Место наук документально-коммуникационной сферы в Номенклатуре специальностей научных работников / Е. И. Полтавская // Научные и технические библиотеки. – 2011. – № 11. – С. 14–23.
18. Социология. Основы общей теории: учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма, 2008. – 912 с.
19. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
20. Столяров, Ю. Н. Онтология документа: дополнительные пояснения / Ю. Н. Столяров // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2013. – № 2. – С. 8–13.
21. Чёрный, Ю. Ю. Обоснованием информатики является деятельность (интервью с А. А. Берсом) [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Чёрный, И. А. Крайнева // Метафизика. – 2012. – № 4 (6). – С. 140–153. – Режим доступа: [http://lib.rudn.ru/file/Метафизика№4\(6\)2012.pdf](http://lib.rudn.ru/file/Метафизика№4(6)2012.pdf) (дата обращения 07.02.2014).
22. Шеллинг, Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 227–489.

Сдано 27.02.2014

Е. Poltavskaya

RECREATING THE SCHEME OF SCIENTIFIC CATEGORY AS A WAY TO KNOWLEDGE OF THE RESEARCH SUBJECT

Abstract. *The scheme of the notion on which the mentally reconstructed object (thing, phenomenon, process) is regarded as an intellectual construct that shows the essence of the subject through the system its necessary and sufficient attributes. The process of constructing a scheme of the notion «a library» is interpreted as reconstruction of the categorical scheme. The question is posed about the possibility of schematization the notion of «document».*

Keywords: *notion, library, scientific category, scheme, document*

References

1. Basov, S. A. Category “Librarian social institution” in the conceptual apparatus of Library / S. A. Basov // *Bibliotechnyj sotsial'nyj institut: novye aktsenty i aspekty* [Library owls social institution: new emphases and aspects] / Rus. State Library; Scient. dep. library; [ed. M. I. Aquilina]. – Moscow: Pashkov Dom, 2013. – P. 31–58.
2. Basov, S. A. On the institutional approach in Library / S. A. Basov // *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries]. – 2011. – № 3. – P. 50–69.
3. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works] / M. Weber; comp., gen. ed. and ep. Y. N. Davydov; foreword. P. P. Gaidenko. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p. – (Sociological Thought of the West).
4. Gadamer, H.-G. Language and education concepts // *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics] / H.-G. Gadamer. – Moscow: Progress, 1988. – P. 496–507.
5. Golitsyn, G. A. Image as a hub of information / G. A. Golitsyn // *Sinergeticheskaya paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic paradigm. Nonlinear thinking in science and art]. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2002. – P. 183–190.
6. Gott, V. S. *Kategorii sovremennoj nauki: (stanovlenie i razvitie)* [Categories of modern science (establishment and development)] / V. S. Gott, E. P. Semeniuk, A. D. Ursul. – Moscow: Mysl', 1984. – 268 p.
7. Dvoenosova, G. A. Signs document / G. A. Dvoenosova // *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoj raboty* [Scientific and technical information. Ser. 1. Organization and methods of outreach]. – 2013. – № 9. – P. 1–5.
8. Dworkina, M. Y. Library as a social institution and the institution / M. Y. Dworkina // *Bibliotechnyj sotsial'nyj institut: novye aktsenty i aspekty* [Library owls social institution, new emphases and aspects] / Rus. State Library; Scient. dep. library; [ed. M. I. Aquilina]. – Moscow: Pashkov Dom, 2013. – P. 13–30.
9. Zinoviev, A. A. *Methodological essay // Na puti k sverkhobshhestvu* [Towards supersociety] / A. A. Zinoviev. – St. Petersburg: Neva, 2004. – P. 32–106.
10. Kasavin, I. T. Knowledge / I. T. Kasavin // *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]: in 4 v. – Moscow: Mysl', 2010. – V. 2. – P. 51–52.
11. Knigin, A. N. *Uchenie o kategoriyakh* [Doctrine of categories] / A. N. Knigin. – Tomsk: TGU, 2002. – 193 p.
12. Lenk, H. To methodological integration of science with interpretatsionistskoy point of view / H. Lenk // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. – 2004. – № 3. – P. 50–55.
13. Marhinin, V. V. *O spetsifike sotsial'no-gumanitarnykh nauk: opyt filosofii nauki* [On the specifics of the social and human sciences: the experience of the philosophy of science] / V. V. Marhinin; ed. A. L. Simanova. – Moscow: Logos, 2013. – 295 p.
14. *Mezhdunarodnyj standart ISO 2789 “Informatsiya i dokumentatsiya – mezhdunarodnaya bibliotechnaya statistika”* [International Standard ISO 2789 “Information and documentation – International library statistics”] [Electronic resource] / transl. M. Lebedeva and O. Dyakonova, Russian State Library. – 4th ed. – Moscow: RGB, 2006. – URL: <http://yandex.ru/yandsearch?lr=213&text=Международный+стандарт+ISO+2789> (date of access 23.02.2014).

15. Pleshkevich, E. A. Documentary as attributive property of the document / E. A. Pleshkevich // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoj raboty. [Scientific and technical information. Ser. 1. Organization and methods of outreach]. – 2013. – № 9. – P. 1–7.
16. Pleshkevich, E. A. Dokumental'nyj podkhod v bibliotekovedenii i bibliografovedenii: etapy formirovaniya i napravleniya razvitiya [Documentary approach in librarianship and bibliography: stages of formation and development directions] / E. A. Pleshkevich. – Moscow: Pashkov Dom, 2012. – 308 p.
17. Poltavskaya, E. I. Place Sciences documented and communication sector in the Nomenclature of scientific specialties / E. I. Poltavskaya // Nauchnye i tehnicheckie biblioteki [Scientific and Technical Libraries]. – 2011. – № 11. – P. 14–23.
18. Sotsiologiya. Osnovy obshhej teorii [Sociology. The general theory] / holes. ed. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. – 2nd ed., rev. and add. – Moscow: Norma, 2008. – 912 p.
19. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya ehvolyutsiya [Theoretical knowledge: structure, historical evolution] / V. S. Stepin. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. – 744 p.
20. Stolyarov, Y. N. Ontology document: additional explanations / Y. N. Stolyarov // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoj raboty [Scientific and technical information. Ser. 1. Organization and methods of outreach]. – 2013. – № 2. – S. 8–13.
21. Chernyy, Y. Y. Rationale Informatics is the activity (interview with A. Bers) [Electronic resource] / Y. Y. Chernyy, I. A. Kraineva // Metafizika [Metaphysics]. – 2012. – № 4 (6). – P. 140–153. – URL: [http://lib.rudn.ru/file/Метафизика№4\(6\)2012.pdf](http://lib.rudn.ru/file/Метафизика№4(6)2012.pdf) (date accessed 02.07.2014).
22. Schelling, F. V. J. System of transcendental idealism // Sochineniya [Works]: in 2 vol. / F. V. J. Schelling; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. – Moscow: Mysl', 1989. – V. 1. – P. 227–489.

Received 27.02.2014

Уважаемые читатели и авторы!

**«Вестник ЧГАКИ» представлен в открытом доступе
в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru**

**Пятерка научных журналов вузов культуры и искусств
(сортировка по импакт-фактору РИНЦ)***

<i>Позиция</i>	<i>Журнал</i>	<i>Выпусков</i>	<i>Статей</i>	<i>Цитир.</i>
1	Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств	33	986	308
2	Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств	20	540	60
3	Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств	31	898	245
4	Вестник Московского государственного университета культуры и искусств	55	2856	710
5	Культурная жизнь Юга России (Краснодарский государственный университет культуры и искусств)	42	1787	253

* Таблица сформирована по данным НЭБ eLIBRARY.ru (24.12.2014).